

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ДАМЫ С СОБАЧКАМИ: ОТНОШЕНИЕ К СОБАКАМ В РОССИИ В XVIII–XIX ВВ.

В.А. Коршунков

Владимир Анатольевич Коршунков | <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308> | vla_kor@mail.ru | к. и. н., доцент кафедры истории и политических наук Института гуманитарных и социальных наук | Вятский государственный университет (ул. Московская 36, Киров, 610000, Россия) |

Ключевые слова

Россия XVIII–XIX вв., зооантропология, домашние питомцы, история повседневности, мемуаристика, гендер

Аннотация

В статье исследуется отношение представителей знатного сословия Российской империи к собакам. Источниками служат главным образом мемуары, а также произведения русской литературы XVIII–XIX вв., особенно такие, в которых “собачья” тема не является главной, а вводится попутно, в качестве дополнительной характеристики обстановки или героя. Выясняется, что у женщин и мужчин отношение к собакам было различным. Кроме того, мужчины и женщины предпочитали общаться с разными породами. В российском обществе XVIII–XIX вв. комнатные (дамские, постельные) собачки являлись атрибутом богатой и знатной дамы. Мужчины относились к таким породам с пренебрежением. Тщедушная, прихотливая, несамостоятельная любимица хозяйки вполне соответствовала тогдашней манере поведения барышни и дамы – с ее нарядами, обмороками, зависимостью от мужчины. С другой стороны, мужчины были покровительственно привязаны к своим охотничьим (иногда и сторожевым) псам – крупным, сильным, задиристым, которые обычно обитали не в доме, а на дворе. Постепенно мода на комнатных собачек стала проходить, и любимыми домашними питомцами становились кошки. С середины XIX в. в окружении своих мосек, левреток, шпицев, болонок чаще можно было заметить пожилую барыню.

*Да черт побери совсем, повестье меня вот
на этом гвозде вверх ногами, – разве женщина
умеет любить кого-нибудь, кроме болонок?..
(Чехов 1976: 304)*

Зооантропология. В Западной Европе уже несколько веков назад имелись приспособленные для обитания внутри жилищ комнатные (или иначе – дамские) собачки. По примеру Европы и в России с начала XVIII в. является множество болонок, левреток, шпицев, мопсов (мосек). Их называли

Статья поступила 10.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 23.07.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Коршунков В.А. Дамы с собачками: отношение к собакам в России в XVIII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 115–132. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010064> EDN: YEQXSU

Korshunkov, V.A. 2024. Damy s sobachkami: otnoshenie k sobakam v Rossii v XVIII–XIX vv. [Ladies with Little Dogs: Attitudes towards Dogs in the 18th and 19th Century Russia]. *Этнографическое обозрение* 1: 115–132. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010064> EDN: YEQXSU

“постельными” — этот термин начал употребляться со второй половины XVII в. (Kleimola 2010: 470, 473)¹. Они стали постоянными спутницами знатных дам. Собачки забирались в кровать хозяйки, стерегли альков и оберегали интимные секреты, громким лаем возвещая о приходе стороннего человека либо нежеланного супруга, зато ласкались к любовникам и дамским угодникам (*Экитум* 2003; *Зайонц* 2011). С другой стороны, аристократы в России издавна охотились со специально выведенными псами — крупными, сильными, быстрыми, хваткими, натасканными.

Специалистка по гендерной проблематике Мануэла Россини в 2014 г. отметила, что гендерный аспект в научных работах, связанных с изучением животных (*animal studies*), по большей части отсутствует (Rossini 2014: 111).

Здесь будет рассмотрено отношение представителей знатного сословия Российской империи к тем животным, которые стали к нашему времени любимыми домашними питомцами, а именно к собакам. Каково оно было у женщин и мужчин, насколько сходным или различным? Каким породам собак отдавалось предпочтение у тех и других? Это позволит выявить гендерные особенности восприятия домашних животных и тем самым уточнить понимание российской исторической повседневности XVIII—XIX вв.

В наше время специалисты по социальным и гуманитарным наукам все чаще применяют антропологический подход. При этом проясняются многочисленные детали, которые иначе могли бы ускользнуть из поля зрения. Внимание смещается в сферу изучения повседневности, что тоже актуально для исследовательской парадигмы современной гуманитаристики. Отношение людей к домашним животным обнаруживает не слишком заметные особенности образа жизни и мировосприятия. Антропологический подход в этом случае смыкается с новым, активно разрабатываемым ныне в мировой науке направлением, — зооантропологией, т.е. изучением взаимоотношений и взаимовлияний людей и животных².

В зарубежных странах зооантропология (или, шире, — *human-animal studies*) бурно развивается на протяжении последних четырех с лишним десятилетий (Shapiro 2020). Издано немало монографий и популярных книг, выходят специализированные журналы (“Anthrozoös: a Multidisciplinary Journal of the Interactions of People and Animals”, “Society and Animals”, “Humanimalia” и др.)³. Это направление — междисциплинарное: многие ученые занимаются изучением правового положения животных и отношением к ним в рамках этики (*animal law, animal ethics*); философским осмыслением феномена “другого”, “не-человеческого”, “постчеловеческого”, стремясь преодолеть антропоцентризм (*post-human studies*) и т.п.

На таком фоне гораздо менее заметны усилия историков, этнографов и антропологов, которые по своим собственным источникам исследовали бы отношения людей с животными на разных этапах исторического развития и в разных странах. В недавно опубликованном пособии по историческому изучению животных исследования по такой тематике понимаются чрезвычайно широко: они включают зооархеологию и одомашнивание, рассматриваются в контексте истории политической, дипломатической, социальной, экономической, публичной, культуральной, глобальной, городской и сельской, истории идей, истории науки; среди применяемых подходов — постколониальные исследования, историческая география, исследование визуальной культуры, история эмоций, межвидовая этнография (*multispecies ethnography*) и др.; в ре-

зультате получают выходы на историю сельского хозяйства, историю цирка, охоты, войны, ветеринарии и др. (*Roscher et al.* 2021; см. также: *Marvin, Hugh* 2014). При этом научных периодических изданий по историко-этнографическим аспектам зооантропологии, насколько мне известно, нет. Конкретные исследования этих аспектов встречаются нечасто. Так, Иэн Макиннес обратил внимание на то, что в XVI–XVII вв. в Англии две распространенные породы собак – мастифы и спаниели – ассоциировались с мужественностью (либо с женским началом) и с типичными чертами англичан как нации (либо с иностранщиной) (*MacInnes* 2003). В нескольких работах Эрики Фадж рассмотрено отношение англичан к домашнему скоту в эпоху раннего Нового времени (см., напр.: *Fudge* 2017). Оба этих автора – литературоведы.

В нашей стране историки, этнографы, антропологи, психологи, биологи всерьез стали интересоваться зооантропологической тематикой только в нынешнем столетии, когда появилось некоторое количество статей российских авторов (на русском и английском языках) в русле этого научного направления. Отечественной специалисткой по зооантропологии является А.А. Локтева, которая по нарративным и изобразительным источникам изучает особенности взаимодействия людей и животных в дореволюционной России (*Локтева* 2019, 2021; и др.). В одной из ее статей отмечена разница в восприятии животных в России XIX в. мужчинами, женщинами, детьми (*Локтева* 2022). Иногда зооантропологической тематики касаются историки (*Piankevich et al.* 2020; *Чирскова* 2021). Биолог А.В. Зиновьев исследует найденные при археологических раскопках останки диких и домашних животных, т.е., по сути, занимается историческими аспектами зооантропологии (напр.: *Zinoviev* 2013; *Зиновьев* 2018; *Zinoviev* 2018). Издана коллективная монография российских и зарубежных ученых по зооархеологии Новгорода Великого и его округа (*Maltby et al.* 2020). Уже имеется обобщающая книга исторических очерков об отношении к домашним животным в России (*Коршунков* 2022). Среди заграничных специалистов по русистике исторические аспекты зооантропологии изучают американские профессора Ч. Гальперин и А. Клеймола (напр.: *Halperin* 2011; *Kleimola* 2010, 2012; *Halperin, Kleimola* 2018). О преимущественно символических аспектах восприятия животных в России изданы монографии на английском и польском языках (*Mondry* 2015; *Helfant* 2018; *Tymieniecka-Suchanek* 2020). В Польше сложилась научная школа, специализирующаяся на филологических аспектах зооантропологии (в том числе и в связи с Россией), там выходит журнал “*Zoophilologica: Polish Journal of Animal Studies*”.

В нашем распоряжении имеются многочисленные источники – прежде всего нарративные: пособия и популярные издания XVIII–XIX вв., а также мемуары. Большое значение имеют произведения тогдашней русской литературы, прежде всего такие, в которых “собачья” тематика не является главной, а вводится попутно, в качестве дополнительной характеристики обстановки или героя. Известно, что этнографы и антропологи особенно ценят наблюдения, сделанные ими самими. Тексты беллетристические и мемуарные – принципиально иной вид источников. К ним обращаются, когда речь идет о древности и средневековье. Заметно, что и тогда этими темами предпочитают заниматься не этнографы и антропологи, а историки. Источниковедческий потенциал мемуаристики и беллетристики в этнографических и антропологических исследованиях явно недооценивается.

В старинной французской детской книжке с картинками, опубликованной на русском языке в 1822 г., благородных отроков и отроковиц учили видеть в собаках достойных, занятных, верных существ: “Красивое расположение наружной формы собак, их сила, быстрота и легкость для нас весьма приятны. Оне по превосходным своим внутренним качествам обращают на себя внимание человека” (Подарок 1822: 57). Приноравливаясь к желаниям человека, они по праву входят в общение с ним. Однако там же указано, что чрезмерная любовь к собакам не должна поощряться: “Привязанность некоторых особ к сим животным доходит иногда до последней глупости” (Там же: 59, 61). Судя по контексту, так иной раз вели себя и мужчины, и дамы. Подобные суждения можно найти в другой книге — “Наставлении о воспитании животных, служащих к забаве человеческой” — более ранней по времени издания, обращенной к взрослым и тоже переведенной с французского. В характеристике собак она явно ориентирована на “Естественную историю” (1758) Ж.-Л. Леклерка де Бюффона (*Бюкоз* 1789).

Немецкий ученый Манфред Шруба, исследуя изображения распутных дамочек и веселых кавалеров на старинных русских лубочных картинках, обратил внимание, что там при мужчинах нередко фигурируют собаки. В подписи к одной картинке нарисованный “пан” заявлял: “Моя охота вполне ходит[ь] сабачку присебе иметь”. Шруба в своей статье расценивал “собачек” на картинках как признак щегольства и либертинажа (т.е. чересчур вольного, эротически направленного поведения): “По всей видимости, образ собачки был в XVIII веке в какой-то степени признаком (мужского) щегольства” (*Шруба* 2014: 158–159). Тут требуется уточнение: никак не следует ставить в один ряд комнатных собачек и охотничьих псов. Это совершенно разные по образу жизни и поведению животные — чуть ли не как нынешние домашние кошки в сравнении с собаками. Их образы нагружены различными смыслами и ассоциациями: при кавалерах — могучие, быстрые собаки для лесной и полевой утехи (даже если изображенный охотник ласково называет их “собачками”), а при дамах — трепетные домашние любимицы. На лубочных картинках, о которых писал Шруба, как раз первый тип — пес рядом с мужчиной. Что же до ассоциации собаки с любовным ухаживанием, то это так. Пес при джентльмене, намекая на мужественность своего хозяина, соотносился с настойчивостью и напором озабоченного мужчины.

В книге А.И. Куляпина и О.А. Скубач о российской “мифологии повседневности” замечено, что в дореволюционное время при мужчинах и при женщинах собаки бывали не одни и те же: “Разные породы собак... индексировали разные мужской и женский миры”. В литературе “тургеневской поры” типичное занятие мужчины-аристократа — охота, а значит, при нем легавые, борзые и гончие. «Что же касается эталона женственности, — ближе к финалу [XIX в.] столетия трудноуловимый “гений чистой красоты” приобретает все более определенный облик чеховской “дамы с собачкой”, разумеется комнатной» (*Куляпин, Скубач* 2013: 102). И правда: борзые да гончие собаки — для мужской забавы, а комнатные собачки — милое дополнение к дамскому обиходу. Правда, с “гением красоты” — сложнее...

Собачка как дамский атрибут. Императрица Екатерина II обожала комнатных собачек, постоянно держала их при себе и укладывала спать возле своей кровати на тюфячках под атласными одеялами. Когда она пила свой привычный крепкий кофе, то гренки и сахар раздавала им тоже (*Пыляев* 2000: 174). Сохра-

нились выполненные в разной технике портреты ее собачек, а в Царском Селе появилось кладбище домашних животных, где покоились питомцы императрицы (С. 1916). Французский посланник в Российской империи граф Л.-Ф. Сегюр (1753–1830) писал:

Однажды, помню я, императрица сказала мне, что у нее околела маленькая левретка Земира, которую она очень любила и для которой желала бы иметь эпитафию. Я отвечал ей, что мне невозможно воспеть Земиру, не зная ее происхождения, свойств и недостатков. “Я полагаю, что вам достаточно будет знать, — возразила императрица, — что она родилась от двух английских собак: Тома и Леди, что она имела множество достоинств и только иногда бывала немножко зла”. Этого мне было довольно, и я исполнил желание императрицы и написал следующие стихи, которые она чрезвычайно расхвалила... (Сегюр 1989: 363).

Далее Сегюр цитировал французский текст этой эпитафии (“*Épitaphe de Zémire*”) и продолжал: “Императрица велела вырезать эти стихи на камне, который был поставлен в царскосельском саду” (Там же: 364). Как-то раз Екатерина попросила Сегюра научить ее стихосложению, но тщетно — вирши у нее не складывались. Один из приближенных тогда ей сказал: “Что же делать! Нельзя в одно и то же время достигнуть всех родов славы, и вам должно довольствоваться вашим двустишием, посвященным вашей собаке и вашему доктору...” Сегюр приводил это французское двустишие, вполне бесхитрое: “Здесь похоронена герцогиня Андерсон, укусившая господина Роджерсона” (Там же: 423). И.С. Роджерсон — лейб-медик императрицы, а герцогиня Андерсон — ее любимая собачка. Спустя много десятилетий М.И. Пыляев (1842–1899), упомянув об эпитафии собачке, созданной Сегюром, заметил: “Надпись эта и теперь еще видна, хотя неясственно, на каменной плите за пирамидальным мавзолеем, окруженным черными мраморными столбами и листовенницами. Этот пригорок в саду государыня часто посещала и здесь любила отдыхать во время своих прогулок по саду” (Пыляев 2004: 442). Другой француз, публицист Ш. Массон (1762–1807), долгое время живший в России, иронизировал, что при Екатерине в Царском Селе были поставлены памятники русским воинам, ее фавориту А.Д. Ланскому и собачкам: “Вот как-то памятники трех различных родов службы, весьма сближенных друг с другом! Собака, любовник и герой для самодержицы, очевидно, совершенно одно и то же” (Массон 1996: 59). В бумагах императрицы найдены три варианта написанной по-французски эпитафии сэру Томасу Андерсону — самцу-левретке, который был мужем герцогини Андерсон (Пекарский 1863: 37, 70–72).

Этих домашних питомцев философ и литератор Г.С. Сковорода в диалоге “Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни...”, написанном в первой половине 1770-х годов, обозначил так: “собачки постельные, душики”, они “самые бездельные” (Сковорода 1973: 344). Д.И. Фонвизин в речи персонажа из приписываемых ему “Писем родных к Фалалею” (1772) упоминал “постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает; а это называется брехать на ветер” (Фонвизин 1986: 221). И.А. Крылов в “Мыслях философа по моде...” (1792) приводил такое сравнение: “...как болонская собачка, которая бросается на драгунского рослого капитана и хочет его разорвать, между тем как он равнодушно курит трубку, не занимаясь ее гневом” (Крылов 1945: 333).

В повести В.А. Соллогуба “Собачка” (1845) одна дама на все была готова, чтобы отобрать приглянувшуюся ей чужую болонку, а хозяйка собачки ни за что не отдавала свою любимицу. Их мужья, вынужденные вести переговоры о столь мизерабельном предмете, уверяли друг друга, что им-то самим собачка вовсе не нужна, да только жена требует... (Соллогуб 1983а). В романе М.Н. Загоскина “Рославлев, или Русские в 1812 году” (1831) дано описание обстановки в дамских покоях: “...на диване... сидела княгиня Радугина, облокотясь на вышитую по канве подушку, украшенную изображением Азора, любимой ее моськи, которая, по своему отвратительному безобразию, могла назваться совершенством в своем роде” (Загоскин 1988а: 307). Азор находился тут же: “У камина какой-то худощавый французский путешественник поил с блюдечка простывшим чаем толстого Азора...” (Там же). Стремление напоить собачку чаем в те времена, когда это был напиток недешевый, – вовсе не издевательство, как можно было бы подумать. Но все же это нелепость: ведь собаки не чаек должны вкушать, а мясо пожирать. И характеристика показательна: мол, любимая княгинина моська – отвратительное безобразие, в своем роде совершенство.

Мемуаристка Е.А. Сабанеева (1829–1889), вспоминая свои ранние годы, живописала такую обстановку: “Итак, бабушка сидит очень прямо на диване, подле нее на подушке спит Амишка, ее любимый белый шпиц, презлой: нагнешься здороваться к руке бабушки, а он рычит. Фиделька, ее белая болонка, лежит, свернувшись, на круглой скамеечке у ног своей госпожи” (Сабанеева 1996: 379).

В.А. Соллогуб в повести “Аптекарьша” (1841), описывая общество скучнейшего уездного городка, упомянул мимоходом одну особу: “Толстая барыня Авдотья Петровна Кривогорская, обожательница сплетней и собачек...” (Соллогуб 1983б: 188). Ироническая нота в этой характеристике показательна. Ведь любительницами собачек чем дальше, тем больше становились уже не столичные прелестницы, а провинциальные барыни, старые девы, тетушки да бабушки (при соответствующем наборе прочих особенностей). В “Воспоминаниях” Соллогуба говорилось о его бабке Е.А. Архаровой (1755–1836): “После обеда она... раскладывала гранпасьянс, посадив подле себя на кресла злую моську, отличавшуюся висевшим от старости языком” (Соллогуб 1998: 60).

В повести М.С. Жуковой “Провинциалка” (из опубликованной в 1838 г. второй части книги “Вечера на Карповке”) саркастически обрисована помещица, “старая дева” Надежда Карповна, которая “никогда и ничего не читала; никогда не мечтала”. Она “имела в душе большое расположение к изящным искусствам, но как она никогда не видала образцов их, то это расположение оставалось бесплодным”. О такой барыне сказано: “Одно изменяло этому вкусу к изящному: она любила страстно мопса, безобразнейшего из целой мосечьей породы: но что делать! совершенного нет в этом мире” (Жукова 1986: 225).

В середине XIX в. комнатные собачки могли быть хорошим подношением немолодой даме. Литератор И.Т. Кокорев в очерке “Сборное воскресенье” (1847) вел речь о ярмарке в Москве на Охотном ряду в первое воскресенье Великого поста. Там продавались разнообразные животные, а также предметы для их лова и для ухода за ними. Автор обращался к читателю, завлекая того совершить вместе с ним прогулку на яркое и шумное торжище: “Так нет ли у вас какой-нибудь почтенной тетушки, для которой шпиц с лап, шерсть с локоток, курносый мопс, плясунья-levrette, говорливый попугай, кривляка-обезьяна – самые приятные на свете подарки?” (Кокорев 1959: 108).

У А.Ф. Писемского в романе “Мещане” (1877) пожилая дама, переезжая к своему брату, разясняла, каково ее привычное окружение: “...со мной также и мои болонки... их целый десяток... прехорошенькие все!.. Я боюсь, что они тебя будут беспокоить!” (Писемский 1959а: 193). Брат вежливо отвечал, что не будут, если только их держать на ее половине дома. “Конечно, на моей, – подхватила Аделаида Ивановна, – куда ж их, дурочек, сюда пускать, хоть я уверена, что когда ты их увидишь, особенно Партушку, ты полюбишь ее... она всеобщая любимица... я ее потому Парту и прозвала... comprenez vous? Всюду и везде...”⁴ (Там же: 194).

В публиковавшихся в 1840-х годах очерках М.Н. Загоскина “Москва и москвичи” повествователь рассказывал, как он в молодости приехал с товарищем в Москву. Они зашли в гостеприимный дом тетушки товарища – старушки лет шестидесяти пяти. Тогда “весь ее двор пришел в движение: зеленый попугай засвистел, как соловей-разбойник, со всех сторон кинулись к нам под ноги с громким лаем три болонки, две моськи и одна поджарая английская собачонка” (Загоскин 1988б: 168). Историк и литератор И.Г. Прыжов в своей книге 1864 г. иронически замечал, что в его время постоянными посетительницами постаревшей юродивой Татьяны Босоножки стали “старые девки с болонками и никогда не увядаемые вдовицы с моськами” (Прыжов 1992: 360).

К середине XIX в. любимые маленькие собачки в господском доме все более становились характерным признаком пожилой, одинокой, чудаковатой барыни.

Положение комнатных (дамских, постельных) собачек в России XVIII–XIX вв. выявляет гендерный аспект тогдашней повседневности. Они обитали в дамских покоях, а как относились к таким животным мужчины, многие из которых были охотниками, ценившими своих легавых, гончих и борзых?

Герой повести А.В. Дружинина “Полинька Сакс” (1847) – отставной офицер, чиновник Сакс, серьезный и деловитый, которого автор описывает с явным сочувствием. Сакс очень любил свою девятнадцатилетнюю жену Полиньку. А та вела себя совсем как дитя. Вот какой увидена глазами мужа домашняя любимица Полиньки: это “прескверная и злая собачка, которую мадам Сакс в избытке нежности назвала собственным своим именем”, т.е. Полей; “скверное создание, с мутными глазами и мокрым рылом”. Вообще-то у жены Сакса жило три собачки. Она обратилась к мужу: «Не видишь ты, Поля больна...». Он сперва решил было, что приболела сама жена, Полинька. “С досады он так повернулся в кресле, что больная собака залаяла и вскочила с своего места. Полинька, уцепившись за ручку кресла маленькими, но сильными своими руками, вспорхнула и бросилась к Поле”. Молодая хозяйка больше была озабочена своей любимицей, нежели словами и побуждениями мужа. “Минутная, но горячая досада волновала его душу, он ходил большими шагами взад и вперед по комнате, и когда испуганная собака встретилась ему на пути, он отбросил ее ногою в другой угол”. Сакс стал выговаривать Полиньке за инфантилизм: “Те же бессознательные слезы при малом горе, та же бесконечная возня с собачонками...”. Потом начал просить прощения: “Я затронул твоего Цербера, извини меня” (Дружинин 1986: 20–23).

Вот: кому милая собачка Полинька, а кому Цербер. Он там ее еще и с жабой сравнил. Эта сцена – значимый эпизод: хороший человек на миг разочаровывается в супруге, и так уготавливается драматический финал повести. Все увидено глазами мужчины (или двух мужчин – автора и героя?). А захворавшая питомица жены лишь подвернулась мужу под ногу.

Получается, что злые и бестолковые, по мнению деятельного господина, комнатные любимицы — признак незрелости молоденькой женщины. Сакс у Дружинина остается персонажем положительным. Он, конечно, извинился перед женой за то, что “затронул Цербера”, но вообще-то ударить ногой собачонку для него было вполне допустимо. Отношения с женой вроде бы очень его волнуют, а вот ее песики не воспринимаются им как существа, достойные внимания (не говоря уж — сочувствия и уважения). На них, бессловесных, он переводит терзающую его подспудную досаду на юную супругу. Одноименность хозяйки и ее собачки в повести Дружинина оказывается весьма кстати.

В романе П.Д. Боборыкина “В путь-дорогу!..” (1863—1864) есть примечательная реплика. Автор пишет об одном из героев, что тот был похож на “тех комнатных собачек, которые торчат постоянно на глазах и как будто для чего-то нужны; а в сущности ни на какое толковое дело не пригодны” (*Боборыкин* 1885: 46). Ну, да, толковое дело для настоящего пса — сторожить и охотиться. Настоящий пес — маскулинен. Таков мужской вердикт.

При упоминании дамских собачек мужчины-авторы (либо мужчины — герои литературных произведений) иронизировали, подтрунивали, саркастически ухмылялись. Они потешались над глуповато-нелепыми созданиями, которые несуразно смотрелись по сравнению с иными собаками — охотничьими псами, утехой джентльменов. Но тем самым сарказм направлялся и на трогательно-нелепых пожилых барынь или юных барышень, которые жить не могли без своих “уродцев”. Такое впечатление, что мужчины переносили на собачек затаенную досаду, которая вызывалась у них женскими “слабостями” и “чужацествами”, когда девушки и дамы в чем-либо не соответствовали мужским ожиданиям.

На роль собак домашних (в прямом смысле этого слова) в ту пору претендовали разве что специальные породы — казавшиеся слабыми, нервными, вздорными. У некоторых людей они могли ассоциироваться с западным влиянием на русскую жизнь. Персонаж рассказа И.С. Тургенева “Старые портреты” (1880) — пожилой помещик, человек из XVIII в. Не любил он комнатных собачек. Говорил, что болонки под стать французам: те прыгают — и собачки за ними (*Тургенев* 1956: 332).

Охотничий пес и маскулинность. В повести уроженца Олонецкой губернии А.П. Чапыгина “Белый скит” (1913), написанной по впечатлениям автора о жизни охотников-северян, замечено: “...понятливый кобель охотнику стоит дороже лошади” (*Чапыгин* 1967: 159). Это — об охотниках-простолюдинах. А вот — об аристократах. В рассказе В.А. Вонлярлярского “Воспоминание о Захаре Ивановиче” (1851) пожилой барин толковал молодому собеседнику: “...есть у меня страстишка, в которой винюсь пред вами, и страсть эту, как ни старался я превозмочь, не мог никак” (*Вонлярлярский* 1987: 317). Это оказалось увлечение охотой и “собачками” — затея пышная, дорогая, престижная, с лошадьми, сворами псов, слугами-помощниками. Пешие прогулки в тургеневском стиле его не увлекали, он был приверженцем основательных, многолюдных, чуть ли не военных кампаний: “Нет, сударь, по-нашенски, как снимут хлеб да запахнет на дворе русаком, чуть зоричка — накормишь собак да оседлаешь коней, выпьешь чарку водки да марш в отъездее месяца на три... вот это охота!” (Там же: 319).

Означают ли такие признания, что охотники заботились о своих псах, как о домашних питомцах? “В отношении к охотничьим собакам преобладал утилитарный подход: хорошие условия содержания животных обуславливались не-

обходимостью поддерживать их физическую выносливость; поощрялось достижение цели. <...> На псарнях российской элиты жили тысячи охотничьих собак, которые никогда не переступали порога барского дома и не лежали у камина на бархатных подушках”, – писала А.А. Локтева (*Локтева* 2021: 48). Верно, обращение с охотничьими собаками было суровым. Даже ценимые хозяином гончие, легавые и борзые (не говоря уж о простецких дворовых псах-охранниках) жили по-спартански. Практичный хозяин выбраковывал не подходящих ему щенков самым решительным образом – как пушкинский Троекуров на своей псарне: “В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить” (*Пушкин* 1950: 220–221).

Нечасто в мемуарах или беллетристике встречается указание, что таким псам разрешалось заходить в жилые помещения. Это, к примеру, упоминания в повестях В.А. Соллогуба “Сережа. Лоскуток из вседневной жизни” (1838) и “Старушка” (1850). В первом случае – одинокий помещик в деревне, с его спартанским холостяцким бытом: “...в углу – постель, на которой вечно лежала собака...” (*Соллогуб* 1983в: 30). В другом – захлавленная съемная квартира молодого повесы: “...на дырявом диване, спала мохнатая собака, свернувшись кольцом” (*Соллогуб* 1983г: 477). В незаконченном романе Н.А. Некрасова “Тонкий человек, его приключения и наблюдения” (1853–1855) у любителя охоты Грачова был английский пойнтер, с которым тот на лето выезжал в поместье. В прочее же время пес жительствовавал в городской квартире хозяина (*Некрасов* 1984: 310–311, 581–583). В романе А.Ф. Писемского “Тысяча душ” (1858) при описании отставного капитана, холостяка Годнева, рисуется такая идиллия: тот держал у себя множество певчих птиц, охотился и рыбачил, “но самым нежнейшим предметом его привязанности была легавая собака Дианка. Он спал с ней, мыл ее, никогда с ней не разлучался и по целым дням глядел на нее, когда она лежала под столом развалившись, а потом усмеялся” (*Писемский* 1959б: 12). В рассказе И.С. Тургенева “Собака” (1864) говорилось о человеке, которому после неких странных, таинственных событий было указано завести себе собаку. Он купил легавого щенка, и тот вырос в большого пса. Они не расставались: “Но только главное: Трезор от меня ни на шаг. Куда я – туда и он; даже и в баню его с собой водил – право! Одна наша барыня меня за самого за этого Трезора из гостиной приказала было вывести, да и я такую штурму поднял: что одних стекол у ней перебил!” (*Тургенев* 1955: 60–61). Ну, конечно: барыня не терпела охотничьих псов в своей гостиной. При этом комнатным (дамским, постельным) собачкам самое место там и было – в гостиной да спальне.

Эти связанные с мужчинами случаи свидетельствуют о том, что мало-помалу и *охотничий* пес становится по-настоящему домашним.

Была категория животных, которая проникла в кабинет и иногда даже и сердце мужчин, не ухудшив своих условий существования. С сокращением масштабов охоты российские собаки проявили удивительную, но вместе с тем свойственную этому биологическому виду способность – они подстроились под человека, сохранив и даже преумножив себя в его экологической нише, став собакой-компаньоном (*Локтева* 2022: 109).

Сюжет знаменитого рассказа Тургенева “Муму” (1852) будет не вполне ясен, если не учитывать одно обстоятельство, весьма важное для автора, который был

охотником и собачником. Найденный дворником Герасимом щенок оказался “испанской породы” — это тогдашняя разновидность спаниеля. Испанские собаки — средних размеров, симпатичные на вид, смысленные и дружелюбные. Старая барыня захотела приютить ее у себя в покоях как комнатную шавку, наподобие мопсика, болонки, левретки. Однако Муму вряд ли годилась для такой роли: ее порода — охотничья. Она еще могла бы при Герасиме стать дворовой охранницей, но только не игрушкой у вздорной старухи в большом барском доме (*Коршунков 2020*).

С одной стороны, дамские, постельные, комнатные собачки. С другой — маскулинные псы для службы: охотничьи и сторожевые. Такое размежевание в собачьей среде стало расхожей темой литературных произведений (см., напр., три разных басни с одним и тем же названием — “Две собаки” — у П.А. Вяземского⁵, И.А. Крылова и П.П. Сумарокова). Оно выстраивалось подобно социальному расслоению в жестко стратифицированном обществе, каким была тогдашняя Россия.

Иэн Макиннес показал, как в Англии XVI–XVII вв. собаки породы мастиф, несмотря на их “низкое”, от дворняг, происхождение, постепенно становились принадлежностью аристократического мира и начинали ассоциироваться с английским благородным сословием (*MacInnes 2003: 21, 31*). В этом проявлялась сословность тогдашнего британского общества. А по российским городам и весям во множестве рыскали бездомные псы, которые сбивались в опасные для людей своры. Получается, что в Российской империи обретались люмпенизированные собачьи элементы.

26 апреля 1762 г. император Петр III, между прочими делами своего недолгого правления, издал указ “Об учреждении особой команды при Полиции для истребления собак”. Вот текст целиком: “Его Императорское Величество изволил указать, чтоб всех имеющихся в Санкт-Петербурге собак, как наивозможно скорее, переводить, и для того б чтоб учреждена была нарочная и команда; да для убирания около Дворца, когда будут помянутых собак стрелять, прислать одного погонщика с фурманом” (*ПСЗРИ 1830: 991–992*).

Известно, что император ценил породистых собак для обязательного аристократического развлечения — охоты. Император вынужден был терпеть комнатных собачек. А собак уличных ненавидел. Хозяин регулярного государства, он и животных подразделял на сословия и разряды. По сути, этот указ — зафиксированное на бумаге устное распоряжение. Он явно был раздражен: истребить “всех имеющихся в Санкт-Петербурге”! Ему не смели перечить, даже не внесли в текст указа уточнение, исключавшее дорогостоящих охотничьих и комнатных собак из этакого геноцида. Вскоре Екатерина II свергла его, и безумная затея забылась.

Прапраправнук Петра III император Николай II любил охотиться, и при нем всегда жили его любимые собаки (*Зимин 2010: 153; Зимин 2011: 503–509; Локтева 2019*). Между тем с 1884 г. по 1911 г. Николаем II было застрелено 11582 “бродячих” собак и 18679 “бродячих” кошек, не считая десятков тысяч ворон. Получается, что император убивал в среднем по 429 собак ежегодно или по 36 собак ежемесячно. Начал он заниматься отстрелами с 1884 г., когда ему исполнилось 16 лет (12 собак в год), а рекордным стал 1909 г. (903 собаки) (*Зимин 2011: 509–510*). Ученым приходится задаваться вопросом, как такое было возможным и что это вообще значит? (*Зимин 2011: 510; Назаров 2013: 73; Эштут 2015: 14–15*).

Как бы то ни было, но такое поведение выдает личность весьма архаического склада. Условно назовем этот человеческий типаж охотником. Русское слово

“охота” когда-то означало “желание, радость, веселье” и лишь затем стало относиться к добыванию зверей и птиц. Сам термин указывает на ту социальную среду, где лесная и полевая добыча была не промыслом, а забавой. Интересно, что былинные богатыри иногда стреляли и несъедобных птиц (например, ворона), чтоб сердце потешить и плечи расправить (*Виноградов 1999: 787–788*). Таким же было восприятие природы у последнего российского императора (впрочем, как у страстных охотников во все времена).

Получается, что и Петр III, и Николай II разделяли животных на приближенных к человеку верных друзей и тех изгоев, которые запросто могли быть убиты на царской охоте или просто на прогулке. Среди этих последних – тоже собаки, только не “свои”. К таковым симпатия не проявлялась.

Собачки и эталон женственности. Что же касается указанного в книге Куляпина и Скубач эталона женственности, который, по их суждению, проявился к концу XIX в. в облике чеховской “дамы с собачкой”, то, как можно заметить, это не вполне так. Дамы с комнатными собачками характерны не столько для конца XIX в., о котором писал Чехов, сколько для более давней поры. В это время дамские собачки чаще указывают на пожилую, чудаковатую барыню, нежели на молодую красавицу. Литератор О.И. Сенковский еще в 1833 г. обрисовал столичную “даму с собачкой” вот как: “...переваливается по тротуару госпожа пожилых лет, низенькая, толстая, гордая, в темно-пунцовом капоте и плюшевой шляпке с перьями, в шеншиловом палантине, с шеншиловою муфтою, с бородавкою, с собачкою...” (*Сенковский 1989: 189–190*). Какой уж тут эталон женственности!

В XVIII–XIX вв. комнатные собачки играли роль, которую сейчас часто принимают на себя живущие в семьях кошки. Это позиция любимчиков – балованных, капризных, прихотливых, своего рода детишек (при заботливой мамочке), которые ассоциируются с “женской” сферой. Конечно, далеко не все домашние кошки таковы – да ведь и не все семейства, где они есть, так уж их лелеют. Просто кошки в тогдашней России еще не были столь популярными домашними питомцами, как ныне. Конечно, люди иной раз держали их при себе. Сохранился портрет кота, жившего в покоях царя Алексея Михайловича. “Они воспринимались как расходный материал, являлись живым приложением к дому” – удачно высказалась А.А. Локтева о кошках в городах России XIX в. (*Локтева 2022: 112*). Кошки водились и в некоторых деревенских домах, они могли там стать любимцами детей и молодых женщин – просто о крестьянской повседневности у нас меньше свидетельств, чем о собачках в богатых домах. У мужиков и баб и к кошкам отношение было прагматично-суровым (*Коршунков, Коршункова 2021*).

Итак, в российском обществе XVIII–XIX вв. комнатная собачка являлась атрибутом богатой и знатной дамы. Мужчины относились к таким породам с плохо скрываемым пренебрежением. Жалкая, несамостоятельная любимица хозяйки вполне соответствовала тогдашней манере поведения барышни и дамы – с ее нарядами, обмороками, зависимостью от мужчины. С другой стороны, мужчины бывали покровительственно привязаны к своим охотничьим (иногда и сторожевым) псам – крупным, сильным, задиристым, которые обычно и обитали не в доме, а на дворе.

Постепенно мода на комнатных собачек стала проходить. Любимыми домашними питомцами (по крайней мере, в городах) все более становились кош-

ки. А в окружении криволапых мосек чаще фигурировала какая-нибудь мало-симпатичная пожилая барыня.

Примечания

¹ Энн Клеймола, автор этой статьи, полагала, что собаки, по-видимому, в XVII в. жили в термах при русских женщинах в качестве домашних питомцев (*companion dogs*) (Kleimola 2010: 470). Это маловероятно: тогда верхушка русского общества уже узнала, что бывают и такие породы, но едва ли те водились у нас в сколько-нибудь заметном количестве до эпохи Петра I.

² Обычно его называют *антрозоологией*, хотя правильнее было бы оставлять полную основу греческого “антропос” (человек) и, следовательно, использовать термин *зооантропология*.

³ В недавнем обзоре главного редактора журнала “Animals and Society” Кеннета Шапино указано 24 научных журнала, которые помещают публикации по этой тематике (Shapiro 2020: 813). Причем это издания преимущественно англоязычные (так, финский журнал “Trace” в список попал, а польский “Zoophilologica” — нет).

⁴ По-французски *partout* означает “всюду, везде”.

⁵ Точнее, Вяземский, живший тогда в Варшаве, перевел на русский язык с польского басно И. Красницкого “Dwa psy” (см.: Вяземский 1986: 122, 466).

Источники и материалы

Боборыкин 1885 — Боборыкин П.Д. В путь-дорогу!.. // Боборыкин П.Д. Сочинения. Т. 3. СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1885.

Бюкоз 1789 — Бюкоз П.Ж. Наставление о воспитании животных, служащих к забаве человеческой, с показанием, чем их кормить, пользоваться в их болезнях и какую можно получать от оных пользы и увеселение / Пер. с фр. В... Н... М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789.

Вонлярлярский 1987 — Вонлярлярский В.А. Воспоминание о Захаре Иваныче (рассказ путешественника) // Вонлярлярский В.А. Большая барыня: роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.А. Ильина-Томича. М.: Современник, 1987. С. 299—344.

Вяземский 1986 — Вяземский П.А. Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. М.: Советский писатель, 1986.

Дружинин А.В. Полинька Сакс // Дружинин А.В. Повести. Дневник / Отв. ред. С.А. Рейсер; издание подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М.: Наука, 1986. С. 5—58.

Жукова 1986 — Жукова М.С. Вечера на Карповке. М.: Советская Россия, 1986.

Загоскин 1988а — Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году // Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1, Историческая проза / Сост., вступ. статья, коммент. А.М. Пескова. М.: Художественная литература, 1988. С. 287—618.

Загоскин 1988б — Загоскин М.Н. Два московских бала в 1801 году // Загоскин М.Н. Избранное / Сост. и комм. А.М. Пескова, О.А. Проскурина. М.: Правда, 1988. С. 165—175.

Кокорев 1959 — Кокорев И.Т. Сборное воскресенье // Кокорев И.Т. Москва сороковых примеч. Б.В. Смиренского. М.: Московский рабочий, 1959. С. 108—118.

Крылов 1945 — Крылов И.А. Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума // Крылов И.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1, Проза / Под ред. Д. Бедного. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во художественной литературы, 1945. С. 329—336.

Массон 1996 — Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования

Екатерины II и Павла I: наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Некрасов 1984 – *Некрасов Н.А.* Тонкий человек, его приключения и наблюдения // *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 8, Художественная проза. Незаконченные романы и повести 1841–1856 гг. / Ред. Н.В. Осьмаков, Н.Н. Мостовская. Л.: Наука, 1984. С. 295–410 (рассказ); 581–668 (примечания).

Пекарский 1863 – *Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб.: В тип. Акад. наук, 1863.

Писемский 1959а – *Писемский А.Ф.* Мещане // *Писемский А.Ф.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7 / Подгот. текста и примеч. Ф.И. Евнина, М.П. Еремина. М.: Правда, 1959. С. 3–338.

Писемский 1959б – *Писемский А.Ф.* Тысяча душ // *Писемский А.Ф.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3 / Подгот. текста и примеч. М.П. Еремина. М.: Правда, 1959.

Подарок 1822 – Не большой подарок для наставления и забавы моим детям. Ч. 1 / Пер. с фр. СПб.: В тип. Департамента Внешней Торговли, 1822.

Прыжов 1992 – *Прыжов И.Г.* Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков // *Прыжов И.Г.* История кабаков в России. М.: Дружба народов, 1992. С. 259–320.

ПСЗРИ 1830 – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 15, С 1758 по 28 июня 1762. [СПб.]: Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Пушкин 1950 – *Пушкин А.С.* Дубровский // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6, Художественная проза. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 215–316.

Пыляев 2000 – *Пыляев М.И.* Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М.: Сварог и К, 2000.

Пыляев 2004 – *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Паритет, 2004.

С. 1916 – *С.* Собачка царицы // Старые годы. 1916. Март. С. 46–48.

Сабанеева 1996 – *Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом: 1770–1828 // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст., примеч. В.М. Боковой. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 333–434.

Сегюр 1989 – *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. С. 313–456.

Сенковский 1989 – *Сенковский О.И.* Петербургские нравы // *Сенковский О.И.* Сочинения Барона Брамбеуса / Сост., вступительная статья и примеч. В.А. Кошелева, А.Е. Новикова. М.: Советская Россия, 1989. С. 187–228.

Сковорода 1973 – *Сковорода Г.* Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни (разговор дружеский о душевном мире) // *Сковорода Г.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Сост., перевод и обработка И.В. Иванько, М.В. Кашубы. М.: Мысль, 1973. С. 313–349.

Соллогуб 1983а – *Соллогуб В.А.* Собачка // *Соллогуб В.А.* Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 373–396.

Соллогуб 1983б – *Соллогуб В.А.* Аптекарьша // *Соллогуб В.А.* Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 163–212.

- Соллогуб* 1983в — *Соллогуб В.А.* Сережа. Лоскуток из вседневной жизни // *Соллогуб В.А.* Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 23–42.
- Соллогуб* 1983г — *Соллогуб В.А.* Старушка // *Соллогуб В.А.* Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 455–514.
- Соллогуб* 1998 — *Соллогуб В.А.* Воспоминания. М.: Слово/Slovo, 1998.
- Тургенев* 1955 — *Тургенев И.С.* Собака // *Тургенев И.С.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 7, Повести и рассказы 1863–1870 годов / Подгот. текста Л.В. Крестовой; примеч. К.И. Бонецкого. М.: Гослитиздат, 1955. С. 51–66.
- Тургенев* 1956 — *Тургенев И.С.* Отрывки из воспоминаний своих и чужих // *Тургенев И.С.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8 / Подгот. текста и примеч. А.Н. Дубовикова (Повести и рассказы 1871–1883 годов), Б.В. Томашевского (Стихотворения в прозе). М.: Гослитиздат, 1956. С. 326–370.
- Фонвизин* 1986 — [*Фонвизин Д.И.*] Письма родных к Фалалею // Русская сатирическая проза XVIII века: сборник произведений / Сост., авт. вступ. ст., комментариев и словаря Ю.В. Стенник. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 210–222.
- Чапыгин* 1967 — *Чапыгин А.П.* Белый скит // *Чапыгин А.П.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1, Рассказы и повести 1904–1916. Л.: Художественная литература, 1967. С. 159–313.
- Чехов* 1976 — *Чехов А.П.* Медведь: шутка в одном действии // *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 11, Пьесы, 1878–1888. М.: Наука, 1976. С. 293–311.

Научная литература

- Виноградов В.В.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
- Зайонц Л.* Родословная Меджи и Фидели, или Табакерка Поприщина // Универсалии русской литературы. Вып. 3 / Науч. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 266–281.
- Зимин И.В.* Царская охота // *Родина*. 2010. № 12. С. 146–155.
- Зимин И.В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011.
- Зиновьев А.В.* Кошки средневековых Новгорода Великого и Твери // Археология и история Пскова и Псковской земли: ежегодник Семинара им. акад. В.В. Седова. Вып. 33. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 183–197.
- Коршунков В.* Какой породы была Муму? // *Родина*. 2020. № 1. С. 128–130.
- Коршунков В.А., Коршунова А.В.* “Позавидовала кошка”: отношение к домашним животным в России в XVIII — начале XX века (культурно-исторические и зооантропологические аспекты) // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2 (22). С. 139–150. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.027>
- Коршунков В.А.* Анима. Отношение к домашним животным в России: исторические очерки. М.: Неолит, 2022.
- Куляпин А.И., Скубач О.А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Локтева А.* Гулять с царем слона водили... // *Родина*. 2019. № 8. С. 128–130.
- Локтева А.А.* Зооантропная столица: люди и животные в “Москве и москвичах”

- В.А. Гиляровского // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 41–54. <https://doi.org/10.31857/S086954150013593-2>
- Локтева А.А. Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в. // *Corpus mundi*. 2022. № 2. С. 100–119. <https://doi.org/10.46539/cmj.v3i2.73>
- Назаров О. Русская охота в контексте большой политики // *Родина*. 2013. № 7. С. 72–73.
- Чирскова И.М. Коты на государственной службе в России XVIII века // *Верхневолжский филологический вестник*. 2021. № 4 (27). С. 231–237. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237>
- Шруба М. Щегольство и либертинаж в русских народных картинках // *Russian Literature*. 2014. Vol. 76(1–2). P. 151–165. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.11.002>
- Экштут С.А. “Жужу, кудрявая болонка”: комнатная собачка и любовный быт эпохи // *Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины: очерки интеллектуальной истории*. СПб.: Алетейя, 2003.
- Экштут С. Николай и Александра: безоглядная любовь на обломках империи // *Родина*. 2015. № 3. С. 10–19.
- Fudge E. What Was It Like to Be a Cow? *History and Animal Studies* // *The Oxford Handbook of Animal Studies* / Ed. L. Kalof. N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 258–278. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199927142.013.28>
- Halperin C.J. “You Dog!” Ivan IV’s Canine Invective // *Русистика Руслана Скрынникова: сборник статей памяти профессора Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия* / Под ред. Д. Свака, И.О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград: Russica Pannonicana, 2011. С. 89–108.
- Halperin C.J., Kleimola A.M. Beastly Humans and Humanly Beasts in Seventeenth-Century Russia // *Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2018. Vol. 6. P. 46–57. <https://doi.org/10.21900/j.vivliofika.v6.546>
- Helfant I.M. *That Savage Gaze: Wolves in the Nineteenth-Century Russian Imagination*. Broughton: Academic Studies Press, 2018.
- Kleimola A. Hunting for Dogs in 17th-Century Muscovy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11 (3). P. 467–488. <https://doi.org/10.1353/kri.0.0170>
- Kleimola A.M. *Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka: Images of Dogs in Rus’* // *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of D. Ostrowski* / Eds. B.J. Boeck, R.E. Martin, D. Rowland. Bloomington: Slavica Publishers, 2012. P. 427–442.
- MacInnes I. Mastiffs and Spaniels: Gender and Nation in the English Dog // *Textual Practice*. 2003. Vol. 17 (1). P. 21–40. <https://doi.org/10.1080/0950236032000050726>
- Maltby M. et al. *Animals and Archeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and Its Region*. Oxford: Oxbow Books, 2020. <https://doi.org/10.2307/j.ctv138wsxr>
- Marvin G., Hugh S. (eds.) *Routledge Handbook of Human-Animal Studies*. L.: Routledge, 2014.
- Mondry H. *Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture*. Leiden: Koninklijke Brill i Rodopi, 2015. <https://doi.org/10.1163/9789401211840>
- Piankevich V.L., Plenkov O.Y., Sokhor T.E. People and Pets in Besieged Leningrad // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. Vol. 65 (1). P. 158–174. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.109>
- Roscher M., Krebber A., Mizelle B. *Handbook of Historical Animal Studies*. Berlin: Walter de Gruyter, 2021.

- Rossini M. “I Am Not an Animal! I Am Human Being! I... Am... a Man!” Is Female to Male as Nature Is to Culture? // *Exploring the Animal Turn: Human-Animal Relations in Science, Society and Culture* / Eds. E.A. Cederholm, A. Björck, K. Jennbert, A.-S. Lönngrén. Lund: Pufendorf Institutet, 2014. P. 111–124.
- Shapiro K. *Human-Animal Studies: Remembering the Past, Celebrating the Present, Troubling the Future* // *Society & Animals*. 2020. Vol. 28. P. 797–833. <https://doi.org/10.1163/15685306-bja10029>
- Tymieniecka-Suchanek J. *Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt: w kręgu zagadnień ekofilozoficznych*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020.
- Zinoviev A.V. *Of Friends and Food: Dogs in Medieval Novgorod the Great* // *Archeologia Baltica*. 2013. Vol. 17. P. 152–157.
- Zinoviev A.V. *Study of the Medieval Domestic Cats from Novgorod with Reference to Cats from Medieval Tver (Russia) (10–14 Century)* // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2018. Vol. 28 (2). P. 109–119. <https://doi.org/10.1002/oa.2600>

Research Article

Korshunkov, V.A. **Ladies with Little Dogs: Attitudes towards Dogs in the 18th- and 19th-Century Russia** [Дамы с собачками: отношение к собакам в России в XVIII–XIX вв.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 115–132. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010064> EDN: YEQXSU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vladimir Korshunkov | <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308> | vla_kor@mail.ru | Vyatka State University (36 Moskovskaya St., Kirov, 610000, Russia)

Keywords

Russia, 18–19th centuries, zooanthropology, pets, history of everyday life, memoirs, gender

Abstract

This article deals with the attitude of the Russian nobles towards dogs. The sources are mainly memoirs, as well as Russian literary works of the 18th and 19th centuries, especially those in which the “dog” theme was not the main one but rather appeared as an additional characteristic of a situation or hero. These data show that men and women treated dogs differently. In addition, men and women preferred to communicate with different dog breeds. In the Russian society of the 18th and 19th centuries, toy dogs (ladies’ dogs, or bed dogs) were attributes of a rich and noble lady. Men treated such dog breeds with disdain. Foolish, whimsical, and dependent pet was quite consistent with the behavior of a noble girl or lady – with her outfits, fainting, and dependence on a gentleman. On the other hand, men liked their hunting dogs (as well as watchdogs). These animals were big, strong, and cocky; they usually lived not in a house, but in a yard. The fashion for having toy dogs gradually faded away. Cats were increasingly becoming favorite pets. Since the middle of the 19th century, it was mostly an unpleasant old lady who was living surrounded by pugs or other little dogs.

References

- Chirskova, I.M. 2021. *Koty na gosudarevoi sluzhbe v Rossii XVIII veka* [Cats in the State Service in 18th Century Russia]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* 4 (27): 231–237. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237>
- Ekshtut, S.A. 2003. “Zhuzhu, kudriavaia bolonka”: komnatnaia sobachka i liubovnyi byt epokhi [“Juju, the Curly Lap-Dog”: A Little Indoor Dog and Love Daily Life of That Era]. In *Bitvy za khram Mnemoziny: ocherki intellektual'noi istorii* [Battles for the Temple of Mnemosyne: Essays on Intellectual History], by S.A. Ekshtut, 211–224. St. Petersburg: Aleteiia.

- Ekshtut, S. 2015. *Nikolai i Aleksandra: bezogladnaia liubov' na oblomkakh imperii* [Nikolai and Alexandra: Reckless Love on Ruins of the Empire]. *Rodina* 3: 10–19.
- Fudge, E. 2017. What Was It Like to Be a Cow? History and Animal Studies. In *The Oxford Handbook of Animal Studies*, edited by L. Kalof, 258–278. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199927142.013.28>
- Halperin, C.J. 2011. “You Dog!” Ivan IV’s Canine Invective. In *Rusistika Ruslana Skrynnikova: sbornik statei pamiati professora R.G. Skrynnikova, v chest' ego 80-letii* [Rusistika of Ruslan Skrynnikov: A Collection of Articles to the Memory of Prof. R.G. Skrynnikov, in Honor of His 80th Birthday], edited by G. Szvák and I.O. Tiumentsev, 89–108. Budapest; Volgograd: Russica Pannonicana.
- Halperin, C.J., and A.M. Kleimola. 2018. Bestly Humans and Humanly Beasts in Seventeenth-Century Russia. *Вивліофіка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* 6: 46–57. <https://doi.org/10.21900/j.vivliofika.v6.546>
- Helfant, I.M. 2018. *That Savage Gaze: Wolves in the Nineteenth-Century Russian Imagination*. Brington: Academic Studies Press.
- Kleimola, A. 2010. Hunting for Dogs in 17th-Century Muscovy. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 11 (3): 467–488. <https://doi.org/10.1353/kri.0.0170>
- Kleimola, A.M. 2012. Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka: Images of Dogs in Rus'. In *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of D. Ostrowski*, edited by B.J. Boeck, R.E. Martin, and D. Rowland, 427–442. Bloomington: Slavica Publishers.
- Korshunov, V. 2020. Kakoi porody byla Mumu? [What Breed Was Mumu the Dog?]. *Rodina* 1: 128–130.
- Korshunov, V.A. 2022. *Anima. Otnoshenie k domashnim zivotnym v Rossii: istoricheskie ocherki* [Anima: Attitude towards Domestic Animals in Russia, Historical Essays]. Moscow: Neolit.
- Korshunov, V.A., and A.V. Korshunkova. 2021. “Pozavidovala koshka”: otnoshenie k domashnim zivotnym v Rossii v XVIII – nachale XX veka (kul'turno-istoricheskie i zooantropologicheskie aspekty) [The Cat Envied the Dog’s Life: The Attitude towards Domestic Animals in Russia in the 18th – Early 20th Centuries (Cultural, Historical and Zooanthropological Aspects)]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia* 2 (22): 139–150. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.027>
- Kuliapin, A.I., and O.A. Skubach. 2013. *Mifologiya sovetskoi povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoi epokhi* [Mythology of Soviet Daily Life in the Literature and Culture of the Stalin Era]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Lokteva, A. 2019. Guliat' s tsarem slona vodili... [They Took an Elephant to Walk with a Tsar...]. *Rodina* 8: 128–130.
- Lokteva, A.A. 2021. Zooantropnaia stolitsa: liudi i zivotnye v “Moskve i moskvichakh” V.A. Giliarovskogo [Anthrozootic Capital: People and Animals in “Moscow and Muscovites” by V.A. Gilyarovskiy]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 41–54. <https://doi.org/10.31857/S086954150013593-2>
- Lokteva, A.A. 2022. Zivotnye i chelovek: osobennosti vzaimodeistviia v rossiiskoi kul'ture XIX v. [Animals and Humans: Interactions in Nineteenth-Century Russian Culture]. *Corpus mundi* 2: 100–119. <https://doi.org/10.46539/cmj.v3i2.73>
- MacInnes, I. 2003. Mastiffs and Spaniels: Gender and Nation in the English Dog. *Textual Practice* 17 (1): 21–40. <https://doi.org/10.1080/0950236032000050726>
- Maltby, M., et al. 2020. *Animals and Archeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and Its Region*. Oxford: Oxbow Books.
- Marvin, G., and S. Hugh, eds. 2014. *Routledge Handbook of Human-Animal Studies*.

London: Routledge.

- Mondry, H. 2015. *Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture*. Leiden: Koninklijke Brill i Rodopi. <https://doi.org/10.1163/9789401211840>
- Nazarov, O. 2013. Russkaia okhota v kontekste bol'shoi politiki [Russian Hunting in the Context of Big Politics]. *Rodina* 7: 72–73.
- Piankevich, V.L., O.Y. Plenkov, and T.E. Sokhor. 2020. People and Pets in Besieged Leningrad. *Vestnik of Saint Petersburg University, History* 65 (1): 158–174. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.109>
- Roscher, M., A. Krebber, and B. Mizelle, eds. 2021. *Handbook of Historical Animal Studies*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Rossini, M. 2014. “I Am not an Animal! I Am Human Being! I... Am... a Man!” Is Female to Male as Nature Is to Culture? In *Exploring the Animal Turn: Human-Animal Relations in Science, Society and Culture*, edited by E.A. Cederholm, A. Björck, K. Jennbert, and A.-S. Lönngren, 111–124. Lund: Pufendorfinstitutet.
- Schruba, M. 2014. Shchegol'stvo i libertinazh v russkikh narodnykh kartinkakh [Foppishness and Libertinage in Russian Folk Pictures]. *Russian Literature* 76 (1–2): 151–165. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.11.002>
- Shapiro, K. 2020. Human-Animal Studies: Remembering the Past, Celebrating the Present, Troubling the Future. *Society & Animals* 28: 797–833. <https://doi.org/10.1163/15685306-bja10029>
- Tymieniecka-Suchanek, J. 2020. *Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt: w kręgu zagadnień ekofilozoficznych* [Russian Literature and Animals Empowerment: In the Circle of Eco-Philosophical Issues]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Vinogradov, V.V. 1999. *Istoriia slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi sviazannykh* [A History of the Words: Circa 1500 Words, and Phrases, and More than 5000 Words Associated with Them]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN.
- Zaions, L. 2011. Rodoslovnaia Medzhi i Fideli, ili Tabakerka Poprishchina [Pedigree of Madzhi and Fidel', or Poprishchin's Snuffbox]. In *Universalii russkoi literatury* [The Universals of Russian Literature], edited by A.A. Faustov, 3: 266–281. Voronezh: Nauchnaia kniga.
- Zimin, I.V. 2010. Tsarskaia okhota [Royal Hunt]. *Rodina* 12: 146–155.
- Zimin, I.V. 2011. *Detskii mir imperatorskikh rezidentsii. Byt monarkhov i ikh okruzhenie. Povsednevnaia zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora* [Children's World of the Imperial Residences, Life of Monarchs and Their Entourage: Daily Life of Russian Imperial Court]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Zinoviev, A.V. 2013. Of Friends and Food: Dogs in Medieval Novgorod the Great. *Archeologia Baltica* 17: 152–157.
- Zinoviev, A.V. 2018. Koshki srednevekovykh Novgoroda Velikogo i Tveri [Cats of Medieval Novgorod the Great and Tver]. In *Arkheologii i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli: ezhegodnik Seminara im. akad. V.V. Sedova* [Archeology and History of Pskov and the Pskov Land: Yearbook of the Seminar n.a. Acad. V.V. Sedov] 33: 183–197. Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Zinoviev, A.V. 2018. Study of the Medieval Domestic Cats from Novgorod with Reference to Cats from Medieval Tver (Russia) (X–XIV Century). *International Journal of Osteoarchaeology* 28 (2): 109–119. <https://doi.org/10.1002/oa.2600>